

**Жизнь иллюзорная и настоящая:
рассказ А. П. Чехова «Дама с собачкой»**

Прочитайте отрывки из рассказа А. П. Чехова «Дама с собачкой». Объясните значение выделенных слов, обращаясь к словарю.

ЧИТАЕМ И ПОНИМАЕМ

Дама с собачкой

I

Говорили, что на набережной появилось новое лицо: дама с собачкой. Дмитрий Дмитрич Гуров, проживший в Ялте уже две недели и привыкший тут, тоже стал интересоваться новыми лицами. Сидя в **павильоне** у Верне, он видел, как по набережной прошла молодая дама, невысокого роста блондинка, в **берете**; за нею бежал белый **шпиц**.

И потом он встречал её в городском саду и в сквере, по несколько раз в день.

Ему не было ещё сорока, но у него была уже дочь двенадцати лет и два сына гимназиста. Его женили рано, когда он был ещё студентом второго курса, и теперь жена казалась в полтора раза старше его. Изменять ей он начал уже давно, изменял часто и, вероятно, поэтому о женщинах отзывался почти всегда дурно.

И вот однажды, под вечер, он обедал в саду, а дама в берете подходила не спеша, чтобы занять соседний стол. Её выражение, походка, платье, причёска говорили ему, что она из порядочного общества, замужем, в Ялте в первый раз и одна, что ей скучно здесь...

Он ласково поманил к себе шпица и, когда тот подошёл, погрозил ему пальцем. Шпиц заворчал. Гуров опять погрозил.

Дама взглянула на него и тотчас же опустила глаза.

— Он не кусается, — сказала она и покраснела.

— Можно дать ему кость? — и, когда она утвердительно кивнула головой, он спросил приветливо: — Вы давно изволили приехать в Ялту?

— Дней пять.

— А я уже дотягиваю здесь вторую неделю.

Потом оба продолжали есть молча, как незнакомые; но после обеда пошли рядом — и начался шуточный, лёгкий разговор людей свободных, довольных, которым всё равно, куда бы ни идти, о чём ни говорить. Гуров рассказал, что он москвич, по образованию **филолог**, но служит в банке; готовился когда-то петь в частной опере, но бросил, имеет в Москве два дома... А от неё он узнал, что она выросла в Петербурге, но вышла замуж в С., где живёт уже два года, что пробудет она в Ялте ещё с месяц и за ней, быть может, приедет её муж, которому тоже хочется отдохнуть. Она никак не могла объяснить, где служит её муж... и это ей самой было смешно. И узнал ещё Гуров, что её зовут Анной Сергеевной.

Потом у себя в номере он думал о ней. Вспомнил он её тонкую, слабую шею, красивые серые глаза.

«Что-то в ней есть жалкое всё-таки», — подумал он и стал засыпать.

II

Прошла неделя после знакомства. Был праздничный день. В комнатах было душно, а на улицах вихрем носилась пыль, срывало шляпы. Весь день хотелось пить, и Гуров часто заходил в павильон и предлагал Анне Сергеевне то воды с сиропом, то мороженого. Некуда было деваться.

Вечером, когда немного утихло, они пошли на **мол**, чтобы посмотреть, как придёт пароход.

Нарядная толпа расходилась, уже не было видно лиц, ветер стих совсем, а Гуров и Анна Сергеевна стояли, точно ожидая, не сойдёт ли ещё кто с парохода. Анна Сергеевна уже молчала и нюхала цветы, не глядя на Гурова.

— Погода к вечеру стала лучше, — сказал он. — Куда же мы теперь пойдём? Не поехать ли нам куда-нибудь?

Она ничего не ответила.

Словарь

павильон — небольшое здание лёгкой конструкции

берёт — мягкий головной убор без козырька

шпиц — небольшая собака из породы лаек

филолог — учёный, специалист по филологии. **Филология** —

совокупность гуманитарных наук, изучающих культуру народа, выраженную в языке и литературе

мол — в знач.: вал, земляная насыпь у входа в порт для защиты судов от морских волн

Тогда он пристально посмотрел на неё и вдруг обнял её и поцеловал в губы, и его обдало запахом и влагой цветов, и тотчас же он пугливо огляделся: не видел ли кто?

– Пойдёмте к вам... – проговорил он тихо.

И оба пошли быстро.

<...>

Анна Сергеевна, эта «дама с собачкой», к тому, что произошло, отнеслась как-то особенно, очень серьёзно, точно к своему падению.

– Нехорошо, – сказала она. – Вы же первый меня не уважаете теперь.

На столе в номере был арбуз. Гуров отрезал себе **ломоть** и стал есть не спеша. Прошло по крайней мере полчаса в молчании.

Анна Сергеевна была трогательна, от неё веяло чистотой порядочной, **наивной**, мало жившей женщины; одинокая свеча, горевшая на столе, едва освещала её лицо, но было видно, что у неё нехорошо на душе.

<...>

Потом, когда они вышли, на набережной не было ни души, город со своими кипарисами имел совсем мёртвый вид, но море ещё шумело и билось о берег; один **баркас** качался на волнах, и на нём сонно мерцал фонарик. Нашли **извозчика** и поехали в Ореанду.

В Ореанде сидели на скамье, недалеко от церкви, смотрели вниз на море и молчали. Листва не шевелилась на деревьях, кричали **цикады** и однообразный, глухой шум моря, доносившийся снизу, говорил о покое, о вечном сне, какой ожидает нас. Так шумело внизу, когда ещё тут не было ни Ялты, ни Ореанды, теперь шумит и будет шуметь так же равнодушно и глухо, когда нас не будет. И в этом постоянстве, в полном равнодушии к жизни и смерти каждого из нас кроется, быть может, залог нашего вечного спасения, непрерывного движения жизни на земле, непрерывного совершенства.

Сидя рядом с молодой женщиной, которая на рассвете казалась такой красивой, успокоенный и очарованный в виду этой сказочной обстановки – моря, гор, облаков, широкого неба, Гуров думал о том, как, в сущности, если вдуматься, всё прекрасно на этом свете, всё, кроме того, что мы сами мыслим и делаем, когда забываем о высших целях бытия, о своём человеческом достоинстве.

Они вернулись в город.

Потом каждый полдень они встречались на набережной, завтракали вместе, обедали, гуляли, восхищались морем. Ждали, что придет муж. Но пришло от него письмо, в котором он извещал, что у него разболелись глаза, и умолял жену поскорее вернуться домой. Анна Сергеевна заторопилась.

– Это хорошо, что я уезжаю, – говорила она Гурову. – Это сама судьба. Она поехала на лошадях, и он провожал её. Ехали целый день.

Она не плакала, но была грустна, точно больна, и лицо у неё дрожало. – Я буду о вас думать... вспоминать, – говорила она. – Господь с вами, оставайтесь. Не поминайте лихом. Мы навсегда прощаемся, это так нужно, потому что не следовало бы вовсе встречаться. Ну, Господь с вами.

Поезд ушёл быстро, его огни скоро исчезли, и через минуту уже не было слышно шума, точно всё сговорилось нарочно, чтобы прекратить поскорее это сладкое забытье, это безумие. И, оставшись один на платформе и глядя в тёмную даль, Гуров слушал крик кузнечиков и гудение телеграфных проволок с таким чувством, как будто только что проснулся. <...>

III

<...> Гуров был москвич, вернулся он в Москву в хороший, морозный день, и когда надел шубу и тёплые перчатки и прошёл по Петровке и когда в субботу вечером услышал звон колоколов, то недавняя поездка и места, в которых он был, утеряли для него всё очарование. Мало-помалу он окунулся в московскую жизнь.

Пройдёт какой-нибудь месяц, и Анна Сергеевна, казалось ему, покроется в памяти туманом и только изредка будет сниться с трогательной улыбкой, как снились другие. Но прошло больше месяца, наступила глубокая зима, а в памяти всё было ясно, точно расстался он с Анной Сергеевной только вчера. И воспоминания разгорались всё сильнее. Закрывши глаза, он видел её, как живую, и она казалась красивее, моложе, нежнее, чем была; и сам он казался себе лучше, чем был тогда, в Ялте. Она по вечерам глядела на него из книжного шкафа, из камина, из угла, он слышал её дыхание, ласковый шорох её одежды. На улице он провожал взглядом женщин, искал, нет ли

Словарь

ломоть – кусок
наивный – неопытный, простодушный, доверчивый
баркас – небольшое паровое судно
извозчик – кучер, перевозчик седоков и грузов
цикада – прыгающее стрекочущее насекомое

похожей на неё... И уже томило сильное желание поделиться с кем-нибудь своими воспоминаниями. Но дома нельзя было говорить о своей любви, а вне дома – не с кем. Не с жильцами же и не в банке. И о чем говорить? Разве он любил тогда? Разве было что-нибудь красивое, поэтическое, или поучительное, или просто интересное в его отношениях к Анне Сергеевне? И приходилось говорить неопределённо о любви, о женщинах, и никто не догадывался, в чём дело.

Однажды ночью, выходя из Докторского **клуба** со своим партнёром, чиновником, он не удержался и сказал:

– Если б вы знали, с какой очаровательной женщиной я познакомился в Ялте!

Чиновник сел в сани и поехал, но вдруг обернулся и окликнул:

– Дмитрий Дмитрич!

– Что?

– А давеча вы были правы: **осетрина**-то с **душком**!

Эти слова, такие обычные, почему-то вдруг возмутили Гурова, показались ему унижительными, нечистыми. Какие дикие нравы, какие лица! Что за бестолковые ночи, какие неинтересные, незаметные дни! **Неистовая** игра в карты, обжорство, пьянство, постоянные разговоры всё об одном. Ненужные дела и разговоры всё об одном охватывают на свою долю лучшую часть времени, лучшие силы, и в конце концов остаётся какая-то **куцая**, бескрылая жизнь, какая-то чепуха, и уйти и бежать нельзя, точно сидишь в сумасшедшем доме или в арестантских ротах! Гуров не спал всю ночь и возмущался, и затем весь день провёл с головной болью.

В декабре на праздниках он собрался в дорогу и сказал жене, что уезжает в Петербург хлопотать за одного молодого человека – и уехал в С. Зачем? Он и сам не знал хорошо. Ему хотелось повидаться с Анной Сергеевной и поговорить, устроить свидание, если можно...

<...>

	Словарь
клуб	– организация, объединяющая людей одного социального круга для совместного отдыха и развлечения
осетрина	– мясо осетра; осётр – ценная своим мясом и икрой рыба
душок	– запах от загнивающей вещи
неистовый	– буйный, необузданный, безудержный
куцый	– короткий; <i>перен.</i> урезанный, ограниченный

IV

И Анна Сергеевна стала приезжать к нему в Москву. Раз в два-три месяца она уезжала из С. и говорила мужу, что едет посоветоваться с профессором насчёт своей женской болезни, – и муж верил и не верил. Приехав в Москву, она останавливалась в «Славянском базаре» и тотчас же посылала к Гурову человека в красной шапке. Гуров ходил к ней, и никто в Москве не знал об этом. Однажды он шёл к ней таким образом в зимнее утро (посыльный был у него накануне вечером и не застал). С ним шла его дочь, которую хотелось ему проводить в гимназию, это было по дороге. Валил крупный мокрый снег.

– Теперь на три градуса теплее, а между тем идёт снег, – говорил Гуров дочери.

– Но ведь это тепло только на поверхности земли, в верхних же слоях атмосферы совсем другая температура.

– Папа, а почему зимой не бывает грома?

Он объяснил и это. Он говорил и думал о том, что вот он идёт на свидание, и ни одна живая душа не знает об этом и, вероятно, никогда не будет знать. У него были две жизни: одна явная, которую видели и знали все, кому это нужно было, полная условной правды и условного обмана, похожая совершенно на жизнь его знакомых и друзей, и другая – протекавшая тайно. И по какому-то странному стечению обстоятельств, быть может случайному, всё, что было для него важно, интересно, необходимо, в чём он был искренен и не обманывал себя, что составляло зерно его жизни, происходило тайно от других, всё же, что было его ложью, его оболочкой, в которую он прятался, чтобы скрыть правду, – всё это было явно. И по себе он судил о других, не верил тому, что видел, и всегда предполагал, что у каждого человека под покровом тайны, как под покровом ночи, проходит его настоящая, самая интересная жизнь. Каждое личное существование держится на тайне, и, быть может, отчасти поэтому культурный человек так нервно хлопочет о том, чтобы уважалась личная тайна.

Проводив дочь в гимназию, Гуров отправился в «Славянский базар». Он снял шубу внизу, поднялся наверх и тихо постучал в дверь. Анна Сергеевна, одетая в его любимое серое платье, утомлённая дорогой и ожиданием, поджидала его со вчерашнего вечера; она была бледна, глядела на него и не улыбалась, и едва он вошёл, как она уже припала к его груди. Точно они не виделись года два, поцелуй их был долгий, длительный.

– Ну, как живёшь там? – спросил он. – Что нового?

– погоди, сейчас скажу... Не могу.

Она не могла говорить, так как плакала.

Она плакала от волнения, от скорбного сознания, что их жизнь так печально сложилась; они видятся только тайно, скрываются от людей, как воры! Разве жизнь их не разбита?

– Ну, перестань! – сказал он.

Для него было очевидно, что эта их любовь кончится ещё не скоро, неизвестно когда.

Он подошёл к ней и взял её за плечи, чтобы приласкать, пошутить, и в это время увидел себя в зеркале.

Голова его уже начинала седеть. И ему показалось странным, что он так постарел за последние годы, так подурнел. Плечи, на которых лежали его руки, были теплы и вздрагивали. Он почувствовал сострадание к этой жизни, ещё такой тёплой и красивой, но, вероятно, уже близкой к тому, чтобы начать **блѣкнуть** и вянуть, как его жизнь. <...> Время шло, он знакомился, сходил, расставался, но ни разу не любил; было всё, что угодно, но только не любовь.

И только теперь, когда у него голова стала седой, он полюбил как следует, по-настоящему – первый раз в жизни.

Анна Сергеевна и он любили друг друга, как очень близкие, родные люди, как муж и жена, как нежные друзья; им казалось, что сама судьба предназначила их друг для друга, и было непонятно, для чего он женат, а она замужем; и точно это были две перелётные птицы, самец и самка, которых поймали и заставили жить в отдельных клетках. Они простили друг другу то, чего стыдились в своём прошлом, прощали всё в настоящем и чувствовали, что эта их любовь изменила их обоих.

– Перестань, моя хорошая, – говорил он, – поплакала – и будет... Теперь давай поговорим, что-нибудь придумаем.

Потом они долго советовались, говорили о том, как избавиться себя от необходимости прятаться, обманывать, жить в разных городах, не видаться подолгу. Как освободиться от этих невыносимых **пут**?

– Как? Как? – спрашивал он, хватая себя за голову. – Как?

И казалось, что ещё немного – и решение будет найдено, и тогда начнётся новая, прекрасная жизнь; и обоим было ясно, что до конца ещё далеко-далеко и что самое сложное и трудное только ещё начинается.

Вопросы

Вопрос 1. Как Гуров познакомился с дамой с собачкой?

Вопрос 2. Какого мнения о женщинах придерживался Гуров до встречи с Анной Сергеевной? Почему?

Вопрос 3. Как поначалу воспринял ялтинский роман Гуров? Найдите в тексте деталь, которая отражает отношение героя к произошедшему.

Вопрос 4. Проследите, как изменялось отношение Гурова к Анне Сергеевне. Что изменилось в самом герое к концу рассказа? Найдите подтверждения в тексте.

Вопрос 5. Как Анна Сергеевна восприняла произошедшее?

Вопрос 6. Охарактеризуйте героев рассказа: Гурова и Анну Сергеевну. Как складывалась их судьба до встречи в Ялте? Каким образом встреча в Ялте повлияла на их мировосприятие?

Вопрос 7. Что такое любовь для Гурова и Анны Сергеевны? Подтвердите свой ответ соответствующим отрывком из текста.

Вопрос 8. Объясните значение выражений.

а) «Не поминайте лихом!»;

б) «...всё, что составляло зерно его жизни...».

Вопрос 9. Как вы понимаете символический смысл

а) описания поездки Гурова и Анны Сергеевны в Ореанду?

б) разговора Гурова с чиновником?

в) разговора Гурова с дочерью о снеге?

Вопрос 10. Как вы понимаете смысл заглавия рассказа? В каких частях рассказа присутствует словосочетание «дама с собачкой», а в каких отсутствует? Как вы думаете, почему?

Вопрос 11. Сделайте вывод об идейном содержании произведения: какова основная мысль рассказа А. Чехова?

Словарь

блѣкнуть – бледнеть, тускнеть

путь – *перен.* всё связывающее, порабощающее, обременяющее